

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

В статье рассмотрены и проанализированы экономические модели государственного регулирования экономики. Изучены взгляды ведущих представителей меркантилизма, классической модели, марксизма, маржинализма и кейнсианства по данному вопросу. Отмечается неоднородность результатов идентичной экономической политики применительно к различным странам и историческим этапам. Показаны сравнительные преимущества и недостатки различных моделей государственного регулирования, актуальные для конкретной исторической эпохи. Обосновано, что выбор между той или иной моделью государственного регулирования предопределяется социально-экономическим состоянием общества. Доказывается необходимость подбора оптимальных подходов в реализации политики государственного регулирования экономики на основе синтеза альтернативных теоретических моделей.

Ключевые слова: государственное регулирование; меркантилизм; классическая модель регулирования; марксизм; маржинализм; кейнсианская модель регулирования.

S. Ye. Trofimov

Baikal State University of Economics and Law

HISTORICAL AND ECONOMIC ASPECTS OF GOVERNMENTAL REGULATION OF ECONOMY

The article considers and analyses economic models of governmental regulation of the economy with deep insight into the view of the leading representatives of mercantilism, the classical model, Marxism, marginalism and Keynesianism upon the subject. It notes the inhomogeneity of the results of identical economic policy with regard to various countries and historical stages. It presents comparative advantages and disadvantages of various models of governmental regulation that are specific for a particular historical epoch. It substantiates the fact that the choice between this or that model of governmental regulation is predetermined by the socio-economic condition of the society. It proves the necessity of selecting optimal approaches in implementing the policy of governmental regulation of the economy in terms of synthesis of alternative theoretical models.

Keywords: governmental regulation; mercantilism; classical model of regulation; Marxism; marginalism; Keynesian model of regulation.

Государственное регулирование экономики в своей эволюции прошло длительный исторический путь развития. Анализ вариативности участия государства в экономических процессах показывает, что оно находилось в пределах, начиная от крайней степени дерегулирования разнообразных сфер человеческой деятельности и заканчивая полной государственной монополией производства всех видов продукции. На протяжении многих этапов государственного развития в различных странах одна и та же экономическая политика далеко не всегда приводила к одинаковым результатам, которые колебались от серьезных успехов и процветания до провалов и крахов общественного воспроизводства.

В историко-экономическом аспекте можно выделить несколько направлений государственного регулирования экономики. В эпоху первоначально-

го накопления капитала европейские государства регулировали внешнюю торговлю своих стран, ценообразование, набравшие серьезные обороты банковскую сферу, экспортно-импортные операции и некоторые другие области. Политика меркантилизма признавала государственное регулирование в качестве неотъемлемого условия подъема экономики и выхода промышленности и торговли на принципиально новый фундаментальный уровень и впоследствии сформировала основы современного протекционизма.

Импортирование дешевых ресурсов и всемерное поощрение экспортируемой обработанной продукции, по мнению меркантилистов, обеспечило бы национальный подъем государства. Один из видных представителей данного направления экономической мысли Т. Ман видел благополучие своей страны в активной внешней торговле: «Мы должны постоянно соблюдать следующее правило: продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем мы покупаем у них» [14, с. 153]. При соблюдении данного правила во внешнеэкономической деятельности страна имеет возможность ежегодно обогащаться на разницу между вывозимой и ввозимой продукцией, которая «будет ввозиться к нам в виде денег, так как та часть наших товаров, за которую мы не получим в обмен товары, будет по необходимости ввезена в виде денег» [Там же].

Подобная экономическая стратегия содействовала централизации и усилению государственных институтов власти. В условиях отсутствия регулирования финансовых потоков оптимальным решением явилось стимулирование инфляционных ожиданий, за счет которого происходил приток золота, снижение ставок процента и побуждение населения к инвестированию, а не сбережению накопленных ресурсов, приведшее в конечном итоге к процветанию ряда европейских экономик. Однако значительно усилившийся класс крупных промышленных собственников столкнулся с существенными проблемами при освоении новых рынков. Как следствие, основной моделью государственного развития на ранних этапах развития капитализма становится набирающее силу учение классической политической экономии, предполагающее саморегулируемый механизм существования рыночной системы.

Дж. М. Кейнс в числе прочих причин возникновения принципа невмешательства государства в экономическую жизнь общества в XVIII–XIX вв. считал коррупцию, некомпетентность государственного управления, индивидуализм политических философов, божественную или научную гармонию в зависимости от конкретного случая между частной и общественной выгодой, а также несостоятельность людей, управлявших обществом. «Почти все, что делалось государством в восемнадцатом веке, было или казалось вредным или неудачным» [12, с. 370]. По его мнению, материальный прогресс, связанный с частной инициативой, дал благоприятную почву для утверждения о том, что «деятельность государства должна быть строго ограничена, а экономическая жизнь оставлена, насколько это возможно, вне регулирования и отдана на откуп здравому смыслу отдельных граждан, руководствующихся стремлением преуспеть в обществе» [Там же, с. 370–371].

Ведущие представители классического направления (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. С. Милль и др.) определяющую роль в развитии рынка отводили предпринимательству и конкуренции. В частности, А. Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» под «невидимой рукой» понимал рыночный механизм, уравновешивающий предложение и спрос. Устойчивость экономического роста государства зависит от совокупности производителей, направляемых данной «рукой», обеспечивающих выполнение экономических задач за счет саморегулирования рынка [19, с. 443].

Дж. С. Милль был противником всеобщего государственного образования: «Положение, при котором правительство имело бы *de jure* (юридически) или

de facto (фактически) неограниченную власть над народным образованием, не терпимо. Обладать такой властью и реально пользоваться ею — значит, быть деспотичным. Правительство, которое может формировать мнения и чувства людей сызмала, в состоянии делать с ними все, что ему угодно» [15, с. 963]. «Laissez-faire должно быть общим правилом, и всякое отступление от него, правда, если подобное отступление не вынуждается какой-либо громадной пользой, будет очевидным злом» [Там же, с. 958].

Представители классической школы отрицательно относились к политике протекционизма, воздействию соответствующих органов на валютную и денежно-кредитную политику, регулированию ценообразования и заработной платы. По их мнению, государству для устойчивого развития свои усилия следует направить на поддержку крупных торговых, промышленных и финансовых компаний, которые производят товары и услуги, гарантируют занятость населения, способствуют улучшению инфраструктурной составляющей, обеспечивают доходные поступления в государственный бюджет в объеме, потребном для реализации макроэкономических функций. К ним относятся необходимые обществу, но выгодные частному капиталу лишь косвенным образом: обеспечение обороноспособности страны и безопасности граждан, охрана жизни и здоровья человека, защита прав собственности, здравоохранение, образование, судебная система и др. С точки зрения представителей классического направления, в условиях рыночной экономики во главу угла ставится свобода предпринимательства и конкуренции, а отсутствие государственного регулирования способствует эффективному функционированию рыночного механизма и существенно снижает его деформацию.

Одним из ключевых выводов классической школы является закон Сэя. Он не подвергался детальному анализу современниками, однако проходил красной нитью через их работы, которые «сплошь и рядом опираются на неявно постулированный процесс саморегуляции, нивелирующий отклонения от полной занятости» [3, с. 141]. Мысль о том, что предложение создает соответствующий спрос, т. е. нация всегда может купить все производимые ею товары, в своей сути подразумевает равновесие и, как следствие, политику невмешательства государства в механизм функционирования рынка. Впоследствии же считалось, что «если такой подход к анализу экономической конъюнктуры верен, то конкуренция между предпринимателями всегда вела бы к расширению занятости до уровня, при котором общее предложение продукции переставало бы быть эластичным; иными словами, когда дальнейший рост эффективного спроса больше не мог бы сопровождаться каким-либо ростом продукции... Закон Сэя равносильен предположению, что не существует препятствий к достижению полной занятости» [12, с. 60].

Изменившиеся экономические условия привели к утрате актуальности идей классической экономической теории о саморегулируемости рыночного механизма. Нерациональность подобного взаимодействия экономики и государства, в частности, причины нарушений равновесия спроса и предложения, т. е. разбалансированность воспроизводственного процесса и необходимость его регулирования, были показаны в работах представителей марксистской, маржиналистской и, впоследствии, кейнсианской школы.

Одним из главных возражений против идей классической концепции явилось несоответствие интересов частных предпринимательских структур и государства, выражаемое, например, в незаинтересованности бизнеса в развитии отдельных инфраструктурных отраслей или в эколого-защитных мероприятиях, отсутствие которых приводит к большому количеству выбросов, загрязняющих окружающую среду. В этих условиях государство вынуждено искать точки соприкосновения, способные смягчить противоречия, возникающие на

основе конфликта интересов участвующих сторон. Кроме того, следствием отсутствия государственного регулирования, в частности рынка труда, явились серьезные социальные противоречия, вызванные низкой заработной платой и тяжелыми условиями работы, которые нередко приводили к массовым волнениям, демонстрациям, а в отдельных случаях даже революциям.

Возникшая во второй половине XIX в. марксистская модель государственного регулирования отстаивала принципы директивной экономики. Чтобы избежать экономических потрясений, К. Маркс предложил регулировать структуру совокупного общественного продукта, т. е. установить определенные пропорции между I и II подразделениями общественного воспроизводства (производством средств производства и производством предметов потребления) [12, с. 556–596]. Он считал, что поддержание макроэкономической пропорциональности возможно только при непосредственном государственном участии.

По мнению некоторых ученых, плановая экономика имела определенные преимущества по отношению к капиталистической [1; 8; 10; 20]. В частности, она обладала большей устойчивостью по отношению к кризисным явлениям и регулировала практически все направления внутренней экономической политики:

- планы предприятий по выпуску товарной продукции исходя из совокупного спроса населения;
- стимулирование научно-технического прогресса путем инвестирования части произведенного ВВП в средства производства;
- возведение торговых барьеров, проявляющиеся вплоть до полной закрытости национальной экономики или отдельных ее секторов и конкурентирование лишь отечественных товаропроизводителей на внутреннем рынке;
- регулирование трудовых взаимоотношений, в частности, заработной платы и продолжительности рабочего дня;
- значительные вложения в фактосберегающие инновации и др.

Для представителей маржиналистского течения экономической мысли (У. С. Джевонса, К. Менгера, Л. Вальраса) также был характерен отход от основных принципов классического направления. Сведенная впоследствии к предпочтениям теория предельной полезности предполагала экономические причины образования цен в структуре рыночного механизма, независимые от колебаний ресурсов производственной сферы и свободные от исторических предпосылок. В частности, наиболее известный из маржиналистов, швейцарский экономист Л. Вальрас в своем труде «Элементы чистой политической экономии» видел условия устойчивости рынка в прямой зависимости между изменением цены и величиной избыточного спроса, т. е. ценообразования, возникающего в результате свободной рыночной конкуренции [2, с. 533–534; 3]. К тому же значительные сбережения, обеспечивающие стабильность функционирования компаний, могут являться не только сдерживающим фактором экономического роста, но и привести к спаду производства, снижению занятости и другим негативным последствиям. Для того, чтобы сбережения превращались в инвестиции, необходима четко выстроенная денежно-кредитная система в сочетании с другими элементами экономической политики. Немаловажным обстоятельством является ценообразование, в результате которого на рынке может наблюдаться как дефицит, так и избыток товаров, работ и услуг. В этом случае рыночное равновесие достигается не только на основании оптимального объема производства, но и варьированной процентной ставки.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в странах с развитой рыночной экономикой стремительно происходил процесс централизации производства, негативными проявлениями которого помимо монополизма явились колоссальный рост безработицы и глубокий экономический кризис, затронувший

практически все стороны общественной жизни. Значительное усложнение хозяйственных связей и увеличение рисков неэффективности управления в крупных компаниях послужили одними из главных причин Великой депрессии 1929–1933 гг. [7, с. 24]. В совокупности, они поставили под сомнение главный тезис классической политической экономии о саморегулировании рынка как ключевом факторе процветания государства. Причиной снижения ее авторитета также явились серьезные макроэкономические достижения стран, которые предприняли активное вмешательство в хозяйственную деятельность. Успехи СССР и США в период правления Ф. Рузвельта, использовавшего элементы планирования, показали несостоятельность классической концепции развития производства в первой трети XX в. С теоретической точки зрения большую роль в этом процессе сыграла кейнсианская модель регулирования экономики.

Дж. М. Кейнс стал широко известен после выхода в 1919 г. своей работы «Экономические последствия Версальского мирного договора». В ней он сформулировал план восстановления мирового хозяйства после Первой мировой войны, подчеркивал роль Германии в качестве важного связующего звена европейского производства и обусловил значимость внешних рынков для государства [11, с. 463–620]. В последующих научных трудах и, прежде всего, в работе «Общая теория занятости, процента и денег» была отмечена необходимость активного государственного вмешательства в экономические процессы, ставящая своей целью поступательное развитие страны за счет стимулирования совокупного спроса: «Наиболее важные пункты государственной «Повестки дня» должны быть связаны не с теми функциями, которые индивиды уже выполняют самостоятельно, а с теми, которые находятся вне сферы их деятельности и которые не может выполнять никто, кроме государства. Важно, чтобы правительство не выполняло, лучше или хуже, тех функций, которые и так выполняют индивиды, оно должно делать то, что сейчас не делается вообще» [Там же, с. 382]. Подобной позиции придерживался еще 16-й Президент США А. Линкольн, считавший, что государство должно «делать для людей то, что необходимо, но что они не могут сделать сами вообще или так хорошо, как это сделает государство» [18, с. 388].

По мнению основоположника современной макроэкономической теории, масштабное государственное регулирование нивелирует сбой рыночного механизма, который к началу XX в. полностью себя исчерпал. Мягкое денежно-кредитное, бюджетное и налоговое централизованное вмешательство благоприятствует экономической стабилизации. Это особенно важно в условиях кризисных потрясений, так как уровень инвестиционной активности предприятий зависит от ставки процента и их прибыли. «Для поддержания любого данного уровня занятости необходимы текущие инвестиции, поглощающие превышение совокупной продукции над тем, что общество желает потреблять при данном уровне занятости... Величина текущих инвестиций зависит от того, что мы будем называть побуждением инвестировать, а побуждение инвестировать, в свою очередь, зависит от отношения между графиком предельной эффективности капитала и комплексом норм процента по займам с разными сроками погашения и разной степенью риска» [12, с. 61]. Совокупный спрос определяет динамику рыночной конъюнктуры как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах, причем во втором случае наращивание именно инвестиционного, а не только потребительского спроса позволит добиться существенного роста национальной экономики.

В отличие от классической модели в кейнсианской ведущая роль отводится государственным расходам, а бюджетное и налоговое регулирование способствует достижению основных макроэкономических показателей. Наращивание социальных расходов обеспечило странам устойчивое развитие,

способствовало формированию высокой налоговой культуры и повышению социально-экономической безопасности. В частности, проводимая в США политика «Нового курса» Ф. Рузвельта, предполагавшая централизованное вмешательство в экономические процессы, не рассматривалась частными компаниями, а тем более населением в качестве посягательства на свободу, так как стихийное саморегулирование показало свою неспособность противостоять состоянию стагнации [17, с. 6]. Механизм макроэкономического регулирования, одним из направлений которого являлось перераспределение национального дохода через прогрессивную ставку подоходного налога, способствовал восстановлению экономики после Первой мировой войны и Великой депрессии, существенному росту абсолютной величины государственного бюджета, повышению производительности труда, внедрению достижений научно-технического прогресса, снятию социального напряжения в обществе и др.

Уверенность налогоплательщиков в том, что изъятые денежные средства будут направлены на их же блага, подтвердила на практике доказанную Дж. М. Кейнсом мысль о способности фискальной политики регулировать безработицу, ценообразование и динамику ВВП: «Результатом заполнения пробелов классической теории должно быть выяснение условий, которых требует свободная игра экономических сил для того, чтобы она могла привести к реализации всех потенциальных возможностей производства. Учреждение централизованного контроля, необходимого для обеспечения полной занятости, потребует, конечно, значительного расширения традиционных функций правительства» [12, с. 337–338].

Особой популярностью среди развитых рыночных экономик кейнсианская модель регулирования пользовалась в 1950–1970-е гг., когда правительства ведущих стран проводили курс на наращивание производства за счет активной инвестиционной политики и связанным с нею ростом государственных расходов. Благодаря антициклическому регулированию, экономическая мощь государства набирала серьезные обороты, значительно увеличились реальные доходы и уровень занятости. К тому же рост благосостояния граждан положительным образом сказался на его покупательной способности: существенно повысились темпы приобретения движимого и недвижимого имущества.

Однако постоянно возрастающие ставки налогообложения, которые требовались для выполнения крупных социально-экономических планов, не содействовали дальнейшему росту экономики. Серьезно возросший уровень налоговой нагрузки уже не оказывал оздоровительного эффекта, а значительно выросшие государственные расходы не способствовали положительной динамике капиталовложений и, как следствие, перераспределение ВВП вошло в противоречие с темпами экономического роста и стало серьезным бременем для хозяйствующих субъектов. Если в период расцвета кейнсианской политики, задача денежно-кредитного регулирования сводилась к контролю процентных ставок, обеспечивающих максимальную занятость, то в 1970-е гг. данная модель оказалась непригодной в условиях изменившихся макроэкономических реалий.

Ускорение темпов хозяйственного развития за счет фискальной составляющей стало невозможным при стабильно функционирующей смешанной экономике. Начавшийся в 70-х гг. XX в. в ряде стран экономический кризис показал приемлемость кейнсианской модели лишь применительно к динамичному увеличению производительности труда, а именно превышению роста ВВП над темпами правительственных расходов. В ведущих мировых экономиках и некоторых развивающихся странах происходила стагнация производительности труда, сопровождавшаяся постоянными требованиями работников об увеличении заработной платы, которая наряду со значительным ростом бюджетного дефицита и интенсивным расширением количества банковских кредитных

операций способствовали существенному увеличению темпов инфляции. В изменившихся реалиях кейнсианство оказалось не в состоянии решить проблему снижения инфляционных издержек при одновременном увеличении занятости. Крупный промышленно-производственный спад совместно с ростом внешнего и внутреннего государственного долга заставил правительства искать альтернативные подходы к государственному регулированию.

Как показала практика, эффективность действия кейнсианской концепции находится в обратной зависимости от степени интеграции государства в глобальную экономическую систему. Фактически, антикризисное регулирование в рамках данного подхода привело к стагфляции экономики и не смогло повысить конкурентоспособность предприятий. Снижение предпринимательской инициативы, вызванное преимущественно высокими налоговыми ставками, значительно тормозит инновационную деятельность и модернизацию производства, а также может замедлить научно-технический прогресс. Крупнейшие мировые компании были вынуждены искать способы улучшения финансовых показателей за счет лоббирования уменьшения обременительной налоговой нагрузки. Кроме того, значительное количество недополученных бизнесом доходов «съедала» инфляция. Серьезным препятствием на пути выхода из экономического кризиса являлся также разросшийся бюрократический аппарат.

В наибольшей мере кризис 1970-х гг. затронул страны, политика которых предусматривала агрессивные налоговые инструменты и сопровождалась крупными социальными гарантиями и инвестиционными программами, например, Францию и ФРГ. Государства же, выбравшие в качестве экономической стратегии регулирование совокупного спроса, такие как Япония, пострадали в значительно меньшей степени: поддержка промышленности привела к снижению риска нетрансформируемости экономики, способствовала развитию производственного и торгового секторов, увеличению поступлений в бюджет и росту платежеспособного спроса. Со стороны бизнеса укрепилось доверие к экономическим программам, призывающим значительно снизить огромные социальные расходы.

В 80-е гг. XX в. в условиях формирования нового технологического уклада и революционных изменений, коснувшихся сферы производства и прежде всего военно-промышленного комплекса, государству стало жизненно необходимо вкладывать значительные средства в науку с целью сохранения конкурентоспособности на мировом рынке [4, с. 6–8; 5; 9]. Расходы на социальную политику, занимавшие весомый удельный вес в структуре бюджета и явившиеся локомотивом экономического развития при более низких темпах роста производительности труда, оказались неподъемными при хроническом бюджетном дефиците.

Как результат, в обществе вновь сформировалась идея саморегулируемости рынка в качестве ведущей модели развития. Государства стали направлять усилия на поиск методов борьбы с уклонением от уплаты налогов, повышение налоговой дисциплины и вывод экономики из теневого сектора. Данные факторы послужили побудительным мотивом для политических лидеров поставить сбалансированность бюджета в качестве основной задачи внутренней экономической политики.

Список использованной литературы

1. Абалкин Л. И. «Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма / Л. И. Абалкин. — М. : Мысль, 1967. — 215 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ. — 4-е изд. — М. : Дело Лтд, 1994. — 720 с.

3. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии или Теория общественно-богатства / Л. Вальрас. — М. : Изограф, 2000. — 448 с.
4. Винокуров М. А. Конкурентные преимущества России — во главу угла управления страной / М. А. Винокуров // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 5 (79). — С. 5–10.
5. Винокуров М. А. Российская экономика: необходимость модернизации и инновационного развития / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2009. — № 6 (68). — С. 5–13.
6. Государственное регулирование рыночной экономики : учеб. / В. И. Кушлин [и др.]; под ред. В. И. Кушлина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : РАГС, 2005. — 834 с.
7. Государственное регулирование рыночной экономики : учеб. пособие / И. И. Столяров [и др.]; под ред. И. И. Столярова. — М. : Дело, 2001. — 280 с.
8. Гэлбрейт Дж. К. Капитализм, социализм, сосуществование (в соавторстве с С. М. Меньшиковым) / Дж. К. Гэлбрейт // Новое индустриальное общество. Избранное. — М. : Эксмо, 2008. — С. 1037–1189.
9. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Ергин; пер. с англ. — М. : ДеНово, 1999. — 968 с.
10. Интенсификация и эффективность социалистического производства / А. Г. Аганбегян, Л. И. Абалкин, Г. М. Сорокин [и др.]. — М. : Наука, 1988. — 407 с.
11. Капканщиков С. Г. Государственное регулирование экономики : учеб. пособие / С. Г. Капканщиков. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Кнорус, 2012. — 528 с.
12. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж. М. Кейнс. — М. : Эксмо, 2007. — 960 с.
13. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 2 т. / К. Маркс. — М. : Политиздат, 1978. — Т. 2. Процесс обращения капитала. — 648 с.
14. Милье Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / Дж. С. Милье. — М. : Эксмо, 2007. — 1040 с.
15. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. / отв. ред. Г. Г. Фетисов. — М. : Мысль, 2004. — Т. 1. От зари цивилизации до капитализма. — 714 с.
16. Самаруха В. И. Роль государства в регулировании рыночной экономики / В. И. Самаруха, Т. Г. Краснова // Известия Иркутской государственной академии. — 2004. — № 3 (40). — С. 4–12.
17. Самуэльсон П. Э. Экономика / П. Э. Самуэльсон, В. Д. Нордхаус. — М. : Бином, 1997. — 800 с.
18. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Эксмо, 2007. — 960 с.
19. Трофимов С. Е. Сравнительный анализ классической и кейнсианской моделей государственного регулирования экономики / С. Е. Трофимов // Проблемы развития транспорта и связи в регионе : материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Иркутск, 17 июня 2013 г.). — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 110–116.
20. Шмелев Н. П. В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ / Н. П. Шмелев. — М. : Весь мир, 2009. — 514 с.

References

1. Abalkin L. I. «*Kapital*» K. Marksa i politicheskaya ekonomiya sotsializma [«Capital» of K. Marx and political economy of socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1967. 215 p.
2. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl v retrospektive* [Economic thought in the retrospective]. 4th ed. Moscow, Delo Ltd Publ., 1994. 720 p.
3. Valras L. *Elementy chistoi politicheskoi ekonomii ili Teoriya obshchestvennogo bogatstva* [Elements of pure political economy or Theory of Public Wealth]. Moscow, Izograf Publ., 2000. 448 p.
4. Vinokurov M. A. Competitive advantages of Russia as main points of country's governance. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2011, no. 5 (79), pp. 5–10. (In Russian).
5. Vinokurov M. A., Sukhodolov A. P. Russia's economy: need for modernization and innovation development. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2009, no. 6 (68), pp. 5–13. (In Russian).
6. Kushlin V. I. et al. *Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnoi ekonomiki* [Governmental regulation of the market economy]. 2nd ed. Moscow, RAGS Publ., 2005. 834 p.

7. Stolyarov I. I. et al. *Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnoi ekonomiki* [Governmental regulation of the market economy]. Moscow, Delo Publ., 2001. 280 p.
8. Gelbreit Dzh. K. Capitalism, socialism, coexistence (co-authored by S. M. Menshikov. *Novoe industrialnoe obshchestvo. Izbrannoe* [New Industrial Society. Selected works]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, pp. 1037–1189. (In Russian).
9. Ergin D. *Dobycha. Vsemirnaya istoriya borby za neft, dengi i vlast* [Extraction. The world history of fight for crude oil, money and power]. Moscow, DeNovo Publ., 1999. 968 p.
10. Aganbegyan A. G., Abalkin L. I., Sorokin G. M. et al. *Intensifikatsiya i effektivnost sotsialisticheskogo proizvodstva* [Intensification and efficiency of socialist production]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 407 p.
11. Kapkanshchikov S. G. *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki* [Governmental regulation of economy]. 4th ed. Moscow, Knorus Publ., 2012. 528 p.
12. Keins Dzh. M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe* [General theory of employment, interest and money. Selected works], Moscow, Eksmo Publ., 2007. 960 p.
13. Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoi* [Capital. Criticism of political economy. Moscow, Politizdat Publ., 1978. Vol. 2. 648 p.
14. Mill Dzh. S. *Osnovy politicheskoi ekonomii s nekotorymi prilozheniyami k sotsialnoi filosofii* [Basics of political economy with some supplements to social philosophy]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 1040 p.
15. Fetisov G. G. (ed.) *Mirovaya ekonomicheskaya mysl. Skvoz prizmu vekov* [The world economic thought. Through the prism of centuries]. Moscow, Mysl Publ., 2004. Vol. 1. 714 p.
16. Samarukha V. I., Krasnova T. G. The role of a state in market economy management. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2004, no. 3 (40), pp. 4–12. (In Russian).
17. Samuel'son P. E., Nordkhaus V. D. *Ekonomika* [Economics]. Moscow, Binom Publ., 1997. 800 p.
18. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Investigation on the nature and causes of national wealths.]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 960 p.
19. Trofimov S. E. Comparative analysis of classical and Keisianian models of governmental regulation of the economy. *Problemy razvitiya transporta i svyazi v regione. Materialy regionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Irkutsk, 17 iyunya 2013 g.)* [The problems of developing transportation and communications in the region: Materials of Regional Science and Practice Conference with International Participation (Irkutsk, June 17, 2013) Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2013, pp. 110–116. (In Russian).
20. Shmelev N. P. *V poiskakh zdravogo smysla. Dvadtsat' let rossiiskikh ekonomicheskikh reform* [In search of common sense: Twenty years of Russian economic reforms]. Moscow, Ves mir Publ., 2009. 514 p.

Информация об авторе

Трофимов Сергей Евгеньевич — аспирант, кафедра экономики и управления бизнесом, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tennisist91@mail.ru.

Author

Sergey Ye. Trofimov — PhD Student, Chair of Economics and Business Management, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia; e-mail: tennisist91@mail.ru.